

Фудель Иосиф Иванович

**Письма о современной
молодежи и направлениях
общественной мысли**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 004
ББК 92
И75

И75 **Иосиф Иванович Ф.**
Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли /
Фудель Иосиф Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 181 с.

ISBN 978-5-521-28763-5

ISBN 978-5-521-28763-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Общая характеристика студенчества.

Общими чертами характеризовать русскую молодежь — съ одной стороны очень легко, съ другой стороны очень трудно. — Легко это сдѣлать потому, что эта молодежь въ устойчивые періоды своей жизни представляет изъ себя массу съ рѣзко-очерченнымъ характеромъ, уяснить который не представляет труда; — трудно же потому, что молодежь наша не есть масса всегда устойчивая; нѣтъ, она подвержена еще процессу развитія и перемѣнъ своихъ формъ, точно также какъ и общество русское еще не нашло до сихъ поръ формы, въ которой могло бы застыть, не нашло почвы, на которой могло бы остановиться для плодотворной дѣятельности. — Результатомъ такого положенія является то, что въ жизни молодежи необходимо различать устойчивые періоды ея отъ переходныхъ. Въ устойчивый періодъ, который обыкновенно продолжается отъ 20 до 25 лѣтъ, молодежь живетъ нормальной жизнью; тогда она представляет изъ себя компактную массу съ опредѣленными идеалами, стремленіями и общимъ характеромъ. Въ переходный же пе-

ріодъ, конечно, нѣтъ возможности характеризовать молодежь общими чертами, ибо это есть время критики и оцѣнки существовавшихъ формъ жизни, время перехода къ новымъ формамъ, къ новымъ идеаламъ, время измѣненій многихъ потребностей и характеристическихъ чертъ молодежи; въ этотъ періодъ молодежь представляетъ изъ себя совокупность разныхъ лицъ, съ различными стремленіями и чертами характера. *Въ настоящее время студенчество (по крайней мѣрѣ Московское) переживаетъ такую переходную эпоху.* Поэтому если я обрисую общія черты характера молодежи, то именно характера ея за послѣднюю устойчивую эпоху. Тѣмъ не менѣе эта характеристика не теряетъ своей цѣны, ибо, во-первыхъ, и въ нашу переходную эпоху къ молодежи *до нѣкоторой степени* приложима эта характеристика, а во-вторыхъ многія черты характера остаются неизблемыми въ теченіи нѣсколькихъ періодовъ, они какъ бы неизмѣнны или врожденны молодежи. Эти постоянныя черты мы отмѣтимъ особо, ибо они весьма важны для выводовъ.

Теперь же перейдемъ къ разсмотрѣнію отрицательныхъ чертъ характера русской молодежи.

При первомъ же знакомствѣ съ молодежью, при первомъ же наблюденіи надъ нею прежде всего въ глаза бросается самый яркій порокъ ея—*крайнее верхушество* и происходящая отсюда предвзятость мнѣній. Это—одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ ея, это—повальная болѣзнь, которой заражена вся молодежь за рѣдкими исключеніями. Этотъ мерзкій порокъ получаетъ большое

значеніе потому, что влечетъ за собой нѣсколько другихъ пороковъ—своихъ постоянныхъ спутниковъ. Верхушество есть плодъ полуобразованности; это есть межеумочное состояніе между невѣжествомъ и образованностью; а извѣстно, что никто такъ не гордъ, не самонадѣянъ, не высокомѣренъ, какъ межеумокъ, оторвавшійся отъ невѣжества и не приставшій къ полной образованности. Стало быть верхушество само по себѣ обуславливаетъ и высокомѣріе молодежи, а отсюда и *предвзятость ея сужденій и мнѣній*. Быстрые, неожиданные выводы, ни на чемъ не основанные, или сужденія на основаніи схваченной на лету мысли, полное незнаніе того, что такъ необходимо каждому вступающему въ жизнь, — вотъ что является результатомъ крайняго верхоглядства молодежи и что такъ непріятно поражаетъ васъ въ любомъ студентѣ даже старшаго курса. Какъ истинная мудрость скромна и чѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ знаній, тѣмъ болѣе сомнѣвается въ полнотѣ своего знанія, такъ и полуобразованность горда и чѣмъ менѣе знаетъ, тѣмъ менѣе сомнѣвается въ своемъ всезнаніи.

Есть еще одно слѣдствіе того же верхушества, обусловившее собой характеръ и стремленія послѣдняго поколѣнія. Дѣло въ томъ, что человѣкъ, нахватавшійся верхушекъ, способенъ въ сильной степени увлекаться *послѣдней* идеей, послѣднимъ словомъ знанія и философіи; не привыкши всегда вникать въ сущность дѣла и аналитически относиться ко всему, онъ считаетъ *послѣднее* слово за самое *истинное*, а въ этомъ уже лежитъ залогъ пагубнаго увлеченія всякою мерзостью послѣдняго

изданія. Человѣкъ, глубоко мыслящій и вполне образованный, не способенъ на увлеченіе крайностью, точно также и на быстрые скачки отъ одной крайности къ другой; онъ, зная цѣну человѣческой мудрости, способенъ хладнокровно анализировать всякое новое проявленіе человѣческой мысли; человѣкъ полуобразованный, межеумокъ—ослѣпляется новой идеей, не какъ идеей, а какъ новинкой, и чѣмъ болѣе остроумна, завлекательна и *крайняя* эта идея, тѣмъ скорѣе и страстнѣе межеумокъ увлекается ей; оттого онъ, не стѣсняясь, бросается изъ крайности въ крайность, отъ одной теоріи къ противоположной, отъ полной вѣры къ крайнему невѣрію и дѣлается это легко, безшабашно, ибо при этомъ не происходитъ тяжелаго процесса ломки міровоззрѣнія и переживанія новыхъ идей и чувствъ. Ломать межеумку нечего, ибо твердаго міровоззрѣнія у него нѣтъ, переживать также нечего, ибо все новое онъ воспринимаетъ *поверхностно*, всѣ идеи не впитываются въ его душу, а ложатся *поверхъ* ея, да и идеи-то схватываются на лету, не во всей глубинѣ ихъ, а только верхушки или внѣшнія очертанія ихъ.

Такова сущность верхушества и всѣхъ его постоянныхъ спутниковъ. Откуда же развился этотъ главнѣйшій пагубный порокъ, гдѣ начало его и корни?

Если мы сопоставимъ молодежь двухъ поколѣній: одну 40-хъ годовъ и другую 60—70-хъ годовъ, то найдемъ отвѣтъ весьма правдоподобный. Дѣло въ томъ, что люди 40-хъ годовъ всѣ согласно утверждаютъ то, что въ ихъ время верхоглядство молодежи было неизвѣстнымъ явле-

ніемъ и могло встрѣчаться только въ единичныхъ случаяхъ, какъ исключеніе; теперь же это верхоглядство — общій порокъ, изъ котораго изрѣдка встрѣчаются единичныя исключенія, каковой фактъ признается и правительствомъ. — А такъ какъ это верхоглядство студентовъ можетъ возникнуть лишь какъ результатъ *начальнаго воспитанія*, то отсюда ясна разница между современными студентами и студентами 40-хъ годовъ; въ тѣ времена молодежь въ большинствѣ готовилась къ Университету дома и это домашнее воспитаніе было такъ полно и глубоко, что молодой человѣкъ, уже 15-ти лѣтъ поступающій въ Университетъ, не зналъ, что такое верхоглядство и въ трезвости сужденій могъ бы за поясъ заткнуть любого современнаго кандидата. *Начальное воспитаніе тогда шло рука объ руку съ жизнью* и молодежь получала и глубокія, всестороннія знанія и прочное міровоззрѣніе. Начиная же съ 60-хъ годовъ верхоглядство получаетъ право гражданства въ нашихъ университетахъ.

Вторымъ порокомъ, которымъ страдаетъ наша молодежь необходимо считать *прямолинейность и абстрактность ея мысленія*. Эта черта характера чисто русская, т. е. присущая преимущественно русскому интеллигенту. Не будетъ преувеличеннымъ, если скажу, что русскій студентъ живетъ всегда въ абстрактной атмосферѣ, мыслить всегда отвлеченностями внѣ условій времени и пространства. Странное свойство это производитъ комическое впечатлѣніе на свѣжаго человѣка, на человѣка жизни и реального труда. И въ самомъ дѣлѣ есть нѣчто донъ-кихотское въ современномъ рыцарѣ „печальнаго

образа“, который весь погрузился въ созерцаніе мнимаго и воображаемаго, не понимаетъ реальной жизни и ея законовъ, а самое главное мыслить отвлеченными формулами и величинами. Чтобы мы сказали о человѣкѣ, которому дана была бы простая ариѳметическая задача съ положительными величинами и который подмѣнилъ бы эти величины отвлеченными знаками и сталъ бы рѣшать задачу алгебраически; затѣмъ свой алгебраическій выводъ преподнесъ бы намъ какъ отвѣтъ на ариѳметическую задачу? Такое же точно впечатлѣніе производитъ всякій студентъ, всецѣло погрузившійся въ область отвлеченнаго мышленія. Это не живой человѣкъ, а какой-то заоблачный житель, это — одушевленная алгебра, если можно такъ выразиться. Онъ можетъ мыслить только отвлеченно, а потому никогда не становится на реальную почву; оттого у него отвлеченный идеалъ, оттого и полная неспособность къ практической дѣятельности.

Эта же абстрактность мышленія производитъ и *прямолинейность сужденій* молодежи, ибо, находясь на отвлеченной почвѣ, невозможно мыслить всесторонне, принимая въ соображенія всѣ условія и реальныя величины. Отчего происходитъ эта абстрактность мышленія у нашей молодежи—отвѣтить не берусь. Замѣчу только, что къ счастью эта черта не встрѣчается въ той степени и въ томъ чистомъ видѣ, какъ верхоглядство,—хотя съ другой стороны эта черта постоянная и присущая русскому интеллигенту съ самого момента возникновенія интеллигенціи на русской почвѣ.

Перейдемъ теперь къ третьей отрицательной чертѣ

характера молодежи, къ искорененію которой въ послѣднее время направлены усилія правительства. Эта гадкая черта есть *халатное отношеніе молодежи къ наукѣ и занятіямъ*. Какъ ни странно, но это такъ. Большинство студентовъ относятся къ наукѣ и къ своимъ занятіямъ, какъ къ повинности, къ „барщинѣ“, которую надо отбыть, дабы заручиться необходимымъ дипломомъ. Молодые люди, которые уже сознательно могутъ относиться къ занятіямъ, которыхъ совѣстно учить изподъ палки—смотрятъ на занятія только съ формальной точки зрѣнія, „по гимназически“, спустя рукава посѣщаютъ лекціи, спустя рукава готовятся къ экзамену, а выходя изъ Университета обладаютъ вмѣсто глубокихъ познаній только обрывками и общими понятіями изъ массы разныхъ „наукъ“. Жалкое явленіе и досадное. Но винить ли въ этомъ молодежь, винить ли ее въ недостаткѣ серьезности и любознательности или же въ мелкомъ правдолюбіи?... Кто видѣлъ, какъ студенты занимаются въ публичныхъ библіотекахъ, какъ они просиживаютъ тамъ съ утра до ночи безъ обѣда, съ какимъ жаромъ они поглощаютъ всю духовную пищу, не предлагаемую имъ, а *выбранную* самими, сколько силъ губятъ на изученіе какого-либо интереснаго вопроса, тревожащаго умъ лукавыми сомнѣніями, кто все это видѣлъ или самъ переиспыталъ, тотъ никогда не броситъ камнемъ въ молодежь за ея халатное отношеніе къ Университетской наукѣ. Нѣтъ, русская молодежь едва-ли не болѣе усидчива чѣмъ другая и несомнѣнно любознательнѣй всякой другой. Но въ этой-то ея любознательности, страстно

развитой, кроется основная причина халатнаго отношенія ея къ „оффиціальной“ наукѣ.—Студентъ юристъ, филологъ, или математикъ не сидитъ на лекціяхъ, а идетъ въ эти часы въ публичную бібліотеку, говоря, что въ это время тамъ онъ больше пріобрѣтетъ познаній, чѣмъ на лекціяхъ. Такъ дѣлаетъ одна часть студенчества, другая же часть менѣе любознательная, менѣе мыслящая, въ то же время болѣе инертная и косная не посѣщаетъ лекціи и халатно относится къ занятіямъ именно *вслѣдствіе своей инертности*, отъ которой отказаться не позволяетъ имъ ихъ косность; а привычка эта велика и пагубна; по крайней мѣрѣ $\frac{3}{4}$ всего числа кончающихъ въ гимназіи привыкла къ чисто формальному и халатному отношенію къ занятіямъ, т.-е. „подписано и съ плечъ долой“—„сданъ экзаменъ всѣми правдами и неправдами и больше знать ничего не желаю“.... Эта привычка вѣздается въ плоть и кровь молодежи и калѣчитъ ее на вѣки.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію положительныхъ сторонъ характера нашей молодежи, т.-е. ея „добрыхъ свойствъ“. Здѣсь уже мы будемъ имѣть дѣло съ болѣе постояннымъ чертами характера молодежи.

Прежде всего, здѣсь должно замѣтить, наша молодежь всегда играла и играетъ роль авангарда общества въ его поступательномъ развитіи. Наше интеллигентное общество, какъ уже выше замѣтили, еще до сихъ поръ не нашло своей постоянной устойчивой формы жизни, не нашло еще исхода своимъ стремленіямъ, своему „иска-

нію жизни“, ноетъ еще по своей почвѣ и оцупью подвигается къ ней.—Въ этомъ движеніи молодежь занимаетъ первое мѣсто. Грубое подражаніе западу, романтизмъ, увлеченіе Гегелемъ, идеализмъ, фразерство и доктринерство, увлеченіе соціальными теоріями, матеріализмъ, нигилизмъ теоретическій, затѣмъ воинствующій, реакція противъ западничества, народничество—вотъ разныя смѣнявшія другъ друга формы жизни общества и молодежи. На западѣ молодежь знаетъ, чего хочетъ, къ какимъ идеаламъ стремится; она живетъ на вѣковыхъ традиціяхъ и сильна этими традиціями; русская молодежь сильна тѣмъ, что она есть застрѣльщикъ *новой* идеи жизни, что у ней бываютъ первые всходы посѣяннаго, что къ ней обращаются взоры общества во время ея переходныхъ періодовъ жизни; а переходные періоды это есть время отрицанія господствующаго міровоззрѣнія и народненія новаго, *это есть время выработки новыхъ идеаловъ и формъ жизни*. И въ то время, какъ въ обществѣ только смутно чувствуется потребность въ новомъ идеалѣ, молодежь уже произноситъ новое слово. Такъ и должно быть и таково свойство молодого организма: глубокая воспріимчивость молодой душой всякаго новаго впечатлѣнія, *отзывчивость* ея на новую идею—извѣстны всякому. Эта воспріимчивость и свѣжесть молодежи въ совокупности съ особыми условіями жизни русскаго общества дѣлаетъ ее авангардомъ общества въ его поступательномъ шествіи.

Вторую положительную черту молодежи отмѣтить можно такъ: *молодежь гибка*. Это свойство точно также

объясняется свойствомъ молодого организма. Приспособиться къ даннымъ условіямъ жизни, измѣнить свои потребности и понятія—молодой организмъ можетъ скорѣе, чѣмъ старый.—Стремиться къ осуществленію новаго идеала есть свойство по преимуществу молодежи и въ этомъ ея положительная заслуга. Зрѣлые люди, соглашаясь съ истиной новаго идеала, новаго слова, только пассивно воспринимаютъ ихъ, будучи не въ состояніи ихъ осуществить; они слишкомъ сживаются съ старыми условіями жизни, слишкомъ опутываются мелочами жизни, коснѣютъ или, такъ сказать, застываютъ въ своей формѣ, а потому составляютъ негодный матеріаль для постройки новаго зданія.—Молодежь же, еще не успѣвшая застыть, еще горячая, мягкая, способна войти въ любую форму, пріобрѣсть любыя потребности, войти въ любыя условія жизни, *молодежь гибка*, а потому активно воспринимаетъ новое ученіе, строить новое зданіе.

Третья положительная черта, присущая преимущественно русской молодежи, это ея *прямотушіе и искренность* всегда и во всемъ. Русская молодежь болѣе всего презираетъ виланіе и подлое двоедушіе и подобныя качества въ русскомъ университетѣ можно встрѣтить какъ рѣдкія исключенія. Впрочемъ понятіе «русскій» необходимо здѣсь ограничить, ибо искренность и прямотушіе есть черта чисто-великорусская и поэтому въ сужденіи о молодежи необходимо знать о *какой* молодежи идетъ рѣчь. Московскій Университетъ единственный *великорусскій* Университетъ, хотя и въ немъ есть примѣси малорусскія и инныя. Прямота и искрен-